

УДК 340.1:81:930.2:003.074

Т.Н. Федоренко,
кандидат юридических наук, доцент,
заведуюча кафедрою теорії і історії держави і права
Національного університету кораблебудування
імені адмірала Макарова

ДИСКУРС-АНАЛІЗ ОЛЕНИНСЬКОЇ РЕДАКЦІЇ УСТАВА ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВОВИЧА О ДЕСЯТИНАХ, СУДАХ І ЦЕРКОВНИХ ЛЮДЯХ

Анотація. Розглядається структура Оленинської редакції Уставу Володимира Святославовича о десятинах, судах і церковних людях на основі використання міждисциплінарних досліджень — юридического дискурсу, дипломатички; виявляються стандартизовані елементи тексту Уставу. Звертається увага на зв'язок інвокації і перформативів; перформативні “висказування” в церковному Уставі мали статус соціального факта, акта-дійства.

Ключові слова: Устав Володимира Святославовича, формуляр, інвокація, перформатив, юридический дискурс.

Постановка проблеми. Сучасне юридическе мислення характеризується посиленою увагою до міждисциплінарних досліджень, одна з таких предметних областей — юридический дискурс — утворилася на перетині юриспруденції і лінгвістического дискурсу. Положення о комунікативно-договірній природі права, а також зацікавленість глибокими соціальними процесами комунікації в сфері нормотворчества, інтерпретації юридического тексту, правореалізації вповне логічно потребували нової методології в якості якої і виступив лінгвістический дискурс. Юридический дискурс, як методологіческий інструмент, дозволяє вийти «за межі» класических підходів і виявити нові характеристики правової реальності.

Наше невелике дослідження зорієнтоване на історію права Київської Русі, яке представляє, по одній з традицій історико-правової науки ХІХ в., як єдинство зовнішньої і внутрішньої історії права. Зовнішню сторону історії права складають джерела права епохи, внутрішню ж — історія змісту права, т.е. історія самих юридических норм і інститутів «з метою ознайомлення з їх сутністю, змістом і основними початками в різних історических епохах» [1, с. 4].

Міждисциплінарні підходи присутні вже в перших історико-правових дослідженнях (наприклад, праці І. Еверса), ще в більшій ступені інтеграція наукового знання вимагана на сучасному етапі; в історико-правових дослідженнях

соединяются философские, лингвистические, социологические подходы, подходы вспомогательных дисциплин — историографии, источниковедения, дипломатики,

Церковные уставы относятся к числу важнейших памятников источниковедческого комплекса Киевской Руси, имеющие длительную историю изучения. Современные исследования публично-правовых актов эпохи Киевской Руси опираются на традиции заложенные выдающимися учеными-гуманитариями прошлого — митрополитом Евгением (Болховитинов), митрополитом Макарием (Булгаков), К. Неволиным, Е. Голубинским, Н. Калачовым, М. Владимирским-Будановым, В. Сергеевичем, М. Ясинским и др. Масштабные исследования Церковных Уставов были проведены Я. Щаповым. Мировоззренческие, социально-исторические, церковно-канонические аспекты содержания нашли отображение в трудах В. Горского, В. Рычки, В. Ульяновского, протоиерея В. Цыпина, Г. Трофанчука и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Юридический дискурс-анализ помогает обнаружить ранее «не замеченные» грани правовой культуры эпохи и, в том числе, новые моменты соотношения внешней и внутренней сторон права.

Целью статьи является выявление особенностей формуляра Оленинской редакции Устава Владимира Святославовича о десятинах, судах и церковных людях в контексте юридического дискурса.

Ряд представлений, задач и методов изучения Церковных Уставов «экспортированы»: из дипломатики — классы публично-правовых актов, формулярный анализ; из лингвистического дискурса и его юридического подвиды — это, например, дискурс,

как текст и контекст; функции юридического дискурса и др.

Изложение основного материала. Крещение Руси вызвало появление своеобразных законодательных актов, а именно: Устава князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и церковных людях (начало XI ст.) и Устава князя Ярослава Владимировича о церковных судах (XI—XII ст.). Ранние списки Устава Владимира относятся к концу XIII — началу XIV в. Протограф Устава князя Владимира Святославовича и князя Ярослава Владимировича датируется XII ст. [2, с. 266].

В источниковедческой литературе церковный Устав князя Владимира трактуется как памятник церковно-княжеского законодательства [2, с. 264, 266; 3, с. 44; 4, с. 358], который наряду с другими весьма немногочисленными письменными источниками древнерусского происхождения составляют формально-юридическую базу историко-правовых исследований.

Устав князя Владимира сохранился в 7 редакциях, установлено, что Оленинская и Синодальная редакция устава Владимира относятся к его старшим редакциям.

Первая статья Оленинской и Синодальной редакции Устава Владимира представляет инвокацию следующего содержания: «*Во имя Отца, Сына и Святого Духа*» [5].

Если говорить о содержании понятия «инвокация» (*invocatio*), то надо, прежде всего, подчеркнуть, что под ним понимают выражения, призывающие Божие Благословение и Благопожелания. Традиция инвокации теряется далеко за пределами эпохи средневековья в библейских и побиблейских временах. Например, в иудаике разработана подробная

классификация наиболее употребительных инвокаций и их аббревиатур. В Еврейской энциклопедии инвокации разделяются на: а) призывающие благословение Божие на приветствуемого и выражают пожелание, чтобы он наслаждался долголетней жизнью и общим благополучием; б) специальные приветствия при встрече приезжающих, при провах отъезжающих, при посещении больных, при вкушении вина и т.п. в) остальные инвокации относятся к лицам. По содержанию инвокации подразделяются на: а) инвокации сопровождающие имена лиц, находящихся в живых и б) инвокации сопровождающие имена покойников [6].

Следует заметить, что в ходе современных филологических исследований, посвященных явлению перформативности и, в частности, перформативности «малых фольклорных жанров», были выявлены три формы инвокации — простая инвокация, модальная эксплицитная; именная эксплицитная инвокация [7].

Перформатив (лат. *performato* действие) — это высказывание, эквивалентное действию, поступку; тип сообщения, равный речевому поступку; сообщение пропозитивная составляющая которого не может быть оценена в пределах категорий истинности/неистинности [8, с. 334].

Простая инвокация называет по имени божественные силы, подчеркивая таким образом, что силой обладает само имя. Произносящий выступает посредником между этими силами и адресатом.

Модальная эксплицитная инвокация — содержит обращение к высшим силам, произносящий просит помочь («...помоги чем? — Крестом, силой, властью») [7, с. 8]. Этот призыв грамматически выражается

существительным в творительном падеже.

Именная эксплицитная инвокация — содержит повторяющуюся просьбу к высшим силам. Данная инвокация состоит из «...просьбы, целью которой является заклинание имени высших сил, предполагаемо пригодных и подходящих для действия в конкретном случае» [7, с. 7-8]. Также через эксплицитное обращение происходит делегирование полномочий исходящих от Бога к индивидууму, говорящий действует «во имя...», т.е. вместо того божества, к которому взывает.

Следуя вышеприведенной классификации, инвокация, содержащаяся в первой статье Устава князя Владимира, относится к именным эксплицитным инвокациям, которые выражают просьбу, «обращенную к покровительствующим силам не напрямую, а по типу «во имя» [7, с. 7] и, соответственно, субъективируют христианскую идею.

С точки зрения некоторых исследователей, статья такого содержания не несет нормативной нагрузки, а представляет собой традиционное обращение к Богу, во имя которого издается закон. С.М. Каштанов обращает внимание на то, что богословская преамбула является принадлежностью «чисто иммунитетных грамот», в которых она помещается на первом месте [9]. По мнению ученого, суть преамбулы отражает не религиозность князей, а «специфику социально-политических отношений», между княжеской властью и получателем иммунитета. При этом делается акцент на то, что в XII веке передача князем земли, скота, людей в пользу монастыря имела характер частной сделки и не интерпретировалась в качестве пожалования.

Вряд ли церковный Устав князя Владимира можно расценивать как рядовую частную сделку. Инвокация и последующие статьи, вполне соответствующие средневековым речевым формулам, не только отражают традицию. По сути, в данной богословской формуле Устава Владимира утверждается присущий христианству сакральный взгляд на власть, отдается дань средневековому речевому этикету, а также устанавливается нормативная связь между фактами «по логико-синтаксической схеме: «Если ..., то» [10, с. 538]. Логическая норма при анализе юридического дискурса формулируется следующим образом: «если действиями определенного участника юридического дискурса создан факт X, то должен последовать для данного участника факт Y. В основе данной схемы лежит логическая операция присоединения к действиям лица их правовых последствий» [10, с. 538].

Вернемся к вопросу перформативности. Исследование некоторых видов средневековых текстов позволило сделать вывод о том, что «необходимым условием для перформативности является использование различных инвокаций к персонажам, воплощающим христианскую идею: Иисусу Христу, Богородице, апостолам, ангелам и архангелам, праведникам и мученикам» [7, с. 10]. Взаимосвязь между инвокацией, её содержанием, с одной стороны, и явлением перформативности, с другой, возможна при условии авторитетности говорящего. Согласно П. Бурдьё, адресанту для этого требуется обладать 3-мя особыми качествами — компетенцией, признанием, делегированием [7, с. 10].

Анализ текста Устава Владимира подтверждает этот вывод. Предмет правового регулирования Устава выра-

жается при помощи перформативных глаголов — «*усприал есмь крещение святое*», «*иже крести всю землю Рускую*», «*создах церковь святую*», «*дах десятину к ней*», *дал есмь* ²⁴⁻²⁵ [суды]» (²⁴⁻²⁵ «*тыя суды церквам, митрополиту и всем епископам по Руськой земли*») [5, с. 139-141].

Обусловленные инвокацией перформативные «высказывания» в церковном Уставе князя Владимира имели статус социального факта, акта-действия («теория речевых актов» Дж. Остина; социологический подход к языку П. Бурдьё и др.); таким образом, перформатив вовлекает «во взаимодействие *сеть* ... культурно связанных в группе индивидуумов» [7, с. 7]. С точки зрения П. Бурдьё, любая «власть» или «сила» речевых актов *обусловлены* также авторитетом социального института, частью которого они являются [11, с. 12]. Участники юридического дискурса со своих стратегических позиций говорят на профессиональном юридическом языке, при этом взаимодействие требует одинаковых коммуникационных кодов, общих понятий и понимания ключевых концептов юридического дискурса [8; 10, с. 535; 12].

Момент взаимодействия позволяет выделить несколько *функций* юридического дискурса, а именно: регулятивную функцию, перформативную, информативную, интерпретационную, кумулятивную, презентационную (символическую и ритуальную), стратегическую, и, в том числе, кодовую функцию. Исследуя взаимосвязи функций юридического дискурса и их реализацию, И.В. Палашевская отмечает, что в нормативном пространстве юридического дискурса представлены нормы различного типа и назначения.

Изучение основных функций юридического дискурса, среди них и

перформативної функції, дозволило виділити параметри, свого рода указатели («ревалентные условия перформативности»). Во-первых, наличие конвенциальной процедуры, своеобразных правил игры, по которым произносится высказывание, во-вторых, соблюдение этих правил говорящими. И, наконец, в-третьих, перформатив должен соответствовать установленной нормами права процедуре, «церемониалу», иметь формальные свойства.

Высокий уровень авторитета адресанта подчеркивался не только invocацией, но и интитуляцией, которая исполняла роль презентации адресату.

«Автор» грамоты всесильною волею Троицы, перечисляет следующие за invocацией имя и титулы князя («*Се яз, князь великий Василий, нарицаемый Володимер, сын Святославль, внук Игорев (и) Блаженныя Ольгы, ...*» статья 2 Устава Владимира). Владимир предстает потомком великих киевских князей и князем обретшим родство с императорами могущественной Византии, в том числе и через духовное родство.

Во 2-й статье мы находим первое указание адресата, которому корреспондируется Устав — это «*вся земля Руская*» подвластная князю, его удел. Безусловно, это особый «собирабельный» адресат. Анализ содержания последующих статей Устава позволяет дополнить инскрипционный перечень. Так, в статье 7 перечислены города и погосты, свободы (слободы). В статьях 5–7, 10 конкретизированы и субъекты княжеского обращения, среди них: а) *митрополит и епископы* (статья 5); *дети мои, внуци мои, род мои, люди церковныя* (статья 6); в) *где крестьяне суть* (статья 7); г) *митрополити люди церковныи* (статья 10).

Отметим, что начальный протокол Оленинской редакции Устава Владимира полноценен и последовательно включает invocацию, интитуляцию и инскрипцию. Содержание статей Устава, соответствующих начальному протоколу, отображает ряд социальных срезов, «добавочных смыслов» — форму связи между светской и властью духовной, могущество княжеской власти, утверждение княжеских законов особой божественной волей, определен территориальный предел власти, круг лиц и др.

Анализ статей Устава Владимира Оленинской редакции позволяет сделать вывод о том, что большинство норм этой редакции, в зависимости от функций в механизме правового регулирования, относятся к *исходным* (отправным, первичным, учредительным нормам), норм конкретных, непосредственно регулирующих поведение людей нет. Нормы Устава Оленинской редакции определяют цели, принципы, пределы, направления, методы правового регулирования, закрепляют некоторые правовые категории и понятия, позволяют проследить направления церковно-правовой политики. Статья 4 имеет выраженный бланкетный характер («*и по том возрех в греческии номоканун и обретох в нем ...*»). Статья 8 читается как духовная санкция князя Владимира («*А кто вступит на мое дание, суд мне с тем пред богом, а митрополиту проклинати его сбором*»). Связаны с этой статьёй статья 4 («*...не подобает сих тяжь и судов судити князю, ни боярам, ни судьям его*») и статья 6 («*А ты не вступают ни дети мои, ни внуци мои, ни род мои в люди церковныя и во все суды*»).

Основная часть формуляра Устава «размыта», но при этом вполне чётко

можем сформулировать мотивы создания Устава (*agensis*), предведомление о сути документа (*promulgatio*), изложение обстоятельств дела (*narratio*), внятно сформулированы нормативные правила (*dispositio*), запрет на нарушение документа (*sanctio*). Другие части условного формуляра — конечный протокол и удостоверяющая часть — отсутствуют, что является распространенным явлением для подобного типа документов.

Выводы и предложения. Подводя итог нашего исследования, отметим,

что индивидуальный формуляр Устава князя Владимира содержит начальную и основные части формуляра. Инвокация, предваряющая собственно основную часть Устава, относится к именным эксплицитным инвокациям и непосредственно обусловила достаточно широкое использование перформативов (речевых актов-действий). Изучение функций юридического дискурса расширяет круг ревалентных условий перформативности и позволяет увязать языковые, правовые, социокультурные явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Ясинский М.Н. Лекции по внешней истории русского права. Вып. 1 / М.Н. Ясинский. — Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1898. — 162 с.
2. Данилевский И.Н. Источниковедение. Теория. История. Метод / И. Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М.: Российский гуманитарный ун-т, 1998. — 702 с.
3. Шерман И.Л. Русские исторические источники X—XVIII вв. / отв. ред. В.И. Астахов. — Х.: Изд-во Харьковского ун-та, 1959. — 252 с.
4. Калакура Я.С. Историчне джерелознавство / Я.С. Калакура, І.Н. Войцехівська, С.Ф. Павленко, Б.І. Корольов, М.Г. Палієнко; Гол. ред. С.В. Головки. — К.: Либідь, 2002. — 488 с.
5. Российское законодательство X—XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984—1994. 9 т. — Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. — М.: Юридическая литература, 1984. — 432 с.
6. Инвокации // ЭЗБЕ/Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/>
7. Кривенко Е.В. Инвокация как условие перформативности в заговорах (на примере французского, английского и русского языков) // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 1. — С. 6-11. URL: http://journals.tsu.ru/sjp/&journal_page=archive&id=932&article_id=23181
8. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики : підручник / Ф.С. Бацевич. — К.: Видавничий центр «Академія», 2004. — 344 с.
9. Каштанов С.М. Русская дипломатика / С.М. Каштанов. — М.: Высшая школа, 1988. — 232 с.
10. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников / И.В. Палашевская // Известия Самарского научного центра РАН. — Т. 12. — 2010. — № 5(2). — С. 535-540. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-yuridicheskogo-diskursa-i-deystviya-ego-uchastnikov.pdf>
11. Телегин Д.В. Язык как социальная практика: о «лингвистическом капитале» П. Бурдьё / Д.В. Телегин // Вестник Тюменского государственного университета. — 2006. — № 3. — С. 9-17. URL: <https://cyberleninka.ru/.../yazyk-kak-sotsialnaya-praktika-olingvisticheskoy-kapitale>
12. Серажим К.С. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність : монографія / За ред. В. Різуна. / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. — К.: Либідь, 2002. — 392 с.

Федоренко Т.М.

Дискурс-аналіз Оленінської редакції статуту Володимира Святославовича про десяти-тини, суди та церковних людей.

Анотація. Розглянута структура Оленінської редакції Статуту Володимира Святославо-вича про десятини, суди та церковних людей на основі використання міждисциплінарних до-сліджень — юридичного дискурсу, дипломатики; виявлені стандартизовані елементи тексту Статуту. Звернута увага на зв'язок інвокації та перформативів; перформативні «висловлю-вання» в церковному Статуті мали статус соціального факту, акту-дії.

Ключові слова. Статут Володимира Святославовича, формуляр, інвокація, перфор-матив, юридичний дискурс.

T. Fedorenko

Discourse-analysis of Oleninskaya set form redaction of church discipline by Vladimir Svyatoslavovich about tithe, court and church man.

Summary. The structure of Oleninskaya redaction of church discipline by Vladimir Svyatoslavovich about tithe, court and church man was covered; standardized pieces of text were exposed. The attention was payed to the connection of invocations and performative.

Keywords: church discipline by Vladimir Svyatoslavovich, set form, invocation, performative, juridical discourse.

